

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б88

Melissa Broder
THE PISCES

Copyright © 2018 by Melissa Broder
This edition published by arrangement with DeFiore and Company Literary
Management, Inc. through Andrew Nurnberg Literary Agency

Перевод с английского *Сергея Самуйлова*

Оформление переплета *Анастасии Ивановой*

Бродер, Мелисса.

Б88 Рыбы / Мелисса Бродер ; [перевод с английского С. Н. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106536-2

«Рыбы» — роман, в котором темная фантазия сталкивается с еще более темной реальностью.

«Вопрос не в том, что такое любовь, а в том, действительно ли я ищу именно ее?» — говорит Люси, главная героиня романа Мелиссы Бродер.

Ее многолетний роман заканчивается крахом, и Люси перебирается в Калифорнию. Формально — присматривать за собакой уехавшей в отпуск сестры и дописывать диссертацию. На деле — переживать разочарование.

Чтобы разобраться в себе, Люси прибегает к групповой терапии, пытается познакомиться в Тиндере. Ей важно понять причины своей ненормальной одержимости и психологической зависимости от очередного мужчины. Но самое глубокое погружение в собственный внутренний мир случается, когда она знакомится с Тео — существом из греческих мифов.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-106536-2

© Самуйлов С., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Николасу
Такого никогда не было,
но всегда есть.

Саллюстий

1

Я больше не была одна, но оставалась одинокой. У меня был Доминик, больной диабетом фоксхаунд моей сестры, бродивший за мной из комнаты в комнату и валившийся мне на колени, не понимая, что он далеко не малыш. Мне нравился запах его дыхания, мясной, отдававший тухлятиной, о чем он не догадывался. Нравилось тепло его жирного пуза, то, как он бесстыдно приседал, когда хотел справить нужду. Вот оно, надлежащее употребление моей любви, думала я. Вот он, мужчина для меня.

Дом на берегу океана представлял собой современную стеклянную крепость, довольно просторную и потому ничем не напоминавшую о моей прежней жизни. Здесь я могла исчезнуть по-настоящему, так, будто меня и не было никогда, не то что в моей душной, загроможденной барахлом квартирке в Фениксе, где я терялась осенью, зимой и весной в окружении вещей, напоминавших о нас с Джейми, и задыхалась в том, что было моим. Есть два способа исчезнуть: плохой и хороший. Я больше не хотела никакого имущества, никакой собственности.

На террасе второго этажа я избавилась от своего вонючего халата, предпочтя ему одно из оставлен-

ных сестрой шелковых кимоно. Там, на веранде, я и засыпала каждый вечер под звездами Вениса¹, расслабившись после белого вина и засунув ноги под теплый живот Доминика. Здесь я не чувствовала своей принадлежности чему-то знакомому. Ничто не давило, ничто не требовало, чтобы я уснула, и я, после девятимесячной бессонницы, наконец-то стала легко и спокойно соскальзывать в сон. В три часа ночи я пробуждалась и неспешно возвращалась в постель с простынями из египетского хлопка, радостно колошматила их ногами, каталась по ним, терлась, как пришелец, дотрагивающийся до чего-то чужого, незнакомого, или прижималась к большущей спине моего пса и прощалась с миром еще на восемь часов. Я даже бывала счастлива.

И все же, проходя в конце первой недели пребывания там по Эббот-Кинни-бульвар, мимо витрин магазинов для яппи — каждый сам по себе галерея белого куба — и увидев пару, мужчину и женщину, обоим по двадцать с небольшим, определенно на первом или втором свидании, я поняла, что со мной по-прежнему не все в порядке. Они с такой серьезностью обсуждали, куда пойти поесть и выпить, будто это действительно имело какое-то значение. Он говорил с сильным немецким, по-моему, акцентом и показался мне симпатичным и сексуальным: по-мальчишески короткие волосы, сильные руки, выступающее адамово яблоко, которое так и хотелось попробовать на вкус.

¹ В е н и с — калифорнийская Венеция, район в Лос-Анджелесе, состоящий из сети каналов и напоминающий Венецию. Создан в начале XX века табачным магнатом Эбботом Кинни.

Что касается женщины, то студенты Аризонского университета, где я работала библиотекарем, могли бы назвать ее *камнефейс*.

Девять лет я провела в Юго-Западном университете по докторской программе в области классической литературы. А потом случилось чудо. Несмотря на то что диссертацию я так и не представила, финансирование не остановили, а мне предложили в обмен на тридцать часов в неделю в библиотеке квартирку за пределами кампуса по цене ниже рыночной и годовую стипендию в размере двадцати пяти тысяч долларов. Официально я трудилась над большим, размером с книгу, проектом под названием «Акцентуационный пробел: суть пустот у Сафо». В том году меня, по результатам моей неспешности, назначили в новый консультативный комитет, включающий в себя деканов обоих отделений, как английской, так и классической литературы, так что оставаться незамеченной уже не получалось.

В марте я встретила с ними в «Panera Bread», где за панини — салат «Напа» с миндалем и цыпленком для директора отделения классики в пасхальном свитере с пятнами от кофе и салат с тунцом для директора отделения английской литературы с распухшим от красных угрей носом — они и поделились со мной новостью: к осеннему семестру мне надлежит представить полный черновой вариант диссертации, а иначе финансирование будет прекращено и меня выставят вон. Шевелиться быстрее я пока еще не стала.

Дело не в том, что я охладела к Сафо, хотя отчасти так оно и случилось, ведь мы прожили вместе девять лет. Просто где-то на шестом году до

меня стало доходить, что основное положение моей диссертации, весь ее смысл ошибочны. А точнее — полная чушь. Но как поправить ситуацию, я не знала и поэтому просто тянула.

В своем исследовании я исходила из общепринятого предположения, что стихи Сафо написаны от первого лица. Ученые — кретины, они терпеть не могут загадки и не переносят любую неспособность заполнить пробелы. Они — жертвы, как и все мы, стандартного мышления: стараются помещать в паттерн каждый фрагмент информации. Они хотят, чтобы мир обрел смысл. А кто не хочет? Поэтому, читая Сафо, они берут уже установленные — или считающиеся установленными — факты ее жизни и ими заполняют лакуны. Но поступая так, они ошибаются, подобно тому психологу, который, выведав три факта из детства пациента, убеждает себя в том, что знает его от и до.

В своей книге я выражала ту мысль, что многочисленные подчистки в стихах Сафо следует воспринимать как намеренные. Да, верно, сама Сафо ничего не подтирала и не выбрасывала. Это происходило само собой, с течением времени, начиная с 600 г. до н.э. Большая часть созданного ею пропала, из 10000 строф до нас дошли 650. Я же стремилась доказать, что попытки представить эти пустоты как творения самой Сафо есть не столько сотворчество, сколько заполнение пробелов тем малым, что известно нам о ее жизни, создание новых значений из желания творить нашу собственную историю и, самое главное, проецирование на них личности чтеца, его Я. В моем понимании, прекратить это проецирование можно только одним способом:

рассматривать пропуски как намеренные, как часть текста. Была или нет Сафо лесбиянкой, предпочитала ли мужчин помоложе, была ли гипер- или бисексуалкой, имела ли множество любовников-мужчин — все это следовало забыть. Если уж мы готовы приписывать чему-то какое-то значение, то давайте делать это с тем, что есть, а не с тем, чего нет.

К несчастью, это предложение было полнейшей фигней. У меня самой сложились очень непростые отношения с пустотой, бессодержательностью, небытием. Иногда мне хотелось просто заполнить ее — я боялась, что, если не сделаю этого, она съест меня заживо или убьет. Но иногда мной овладевало желание полностью раствориться в ней — прекрасной, молчащей стертости. Желание исчезнуть, пропасть. Так что я сама была более всех виновна в проецировании некоей программы. Я сознавала это и потому не подстегивала себя с работой. Не знаю, догадывался ли о том же кто-то из моего консультативного комитета. Но теперь меня собирались посадить на мель, и я сообразила, что, может быть, даже паршивая книжка лучше, чем вообще ничего.

В общем, все продолжалось по-прежнему. Я не хотела уходить, чтобы заняться чем-то «настоящим», и к тому же так и не определилась с тем, что могла бы делать. Большую часть рабочего времени я проводила в библиотеке, среди студентов, от которых и слышала такие слова, как *камнефейс* и бррр-бэггер¹. Так они называли женщин с привлекательным те-

¹ В оригинале *butterface* и *brown bagger*. *Butterface* — искаженное от *but her face*, букв. *если бы только не физиономия*; *brown bagger* — от *brown bag*, пакет из грубой коричневой бумаги.

лом и некрасивым лицом, и на Эббот-Кинни такая, на мой взгляд, определенно была одна. Идя за ней следом, я старалась не отставать. Выражение лица, когда она повернулась, чтобы сказать что-то идущему рядом с ней мужчине, было строгое, черты выразительные — выступающий нос и подбородок, но к этому прилагались хорошие волосы и роскошное тело. Она была в коротеньких темно-синих шортах, из которых скромно выглядывали краешки ягодич. Меня даже потянуло дотронуться до них. Все, что она говорила, проходило через фильтр осознания привлекательности ее задницы, и слова представлялись как приложение и обрамление заключенного в шорты великолепия. Сама она в некотором смысле служила носителем для шорт и задницы. Идя по тротуару, она слегка пританцовывала и трогала волосы. Ее спутник был не лучше. Он не только задавал дурацкие вопросы: «Вы давно здесь живете?» и «Вам нравится?», но и пользовался каждым случаем ради демонстрации собственной крутости. Зачем они вообще разговаривали? Зачем тратили на это время? Почему не трахались прямо здесь, открыто и у всех на виду? Весь этот перформанс был не более чем контейнером для чего-то еще. Это и была пустота, ничтожность.

Конечно, в сравнении с большой ничтожностью — пустотой, отсутствием четкого и ясного смысла в жизни, тем фактом, что никто из нас не ведал, что здесь происходит, — это было по крайней мере что-то. Их участие в танце вознесения дурацкого ресторана к вершине значимости, обсуждение чайного гриба, придание значимости мимолетному, шорты — все это было посланием пустоте

и ничтожности: да пошла ты. С другой стороны, эти детали были симптомами их неосведомленности относительно пустоты. Неужели они настолько не замечали ее, что вот такие вещи могли что-то значить?

Возможно ли, чтобы все пребывали в неведении? Возможно ли, что осознание великого ничто, войда, приходит к нам, может быть, однажды или дважды, например на прощании с кем-то очень близким, когда ты выходишь из похоронного зала и на кратчайший миг само твое существование теряет вдруг смысл. Или такое случается в плохом грибном трипе, когда твои товарищи кажутся пластиковыми? Возможно ли, что на этой земле есть люди, которые ни разу не останавливались хотя бы на мгновение, чтобы сказать: а что есть все?

Существуют такие люди или нет, никто из них в ту секунду этот вопрос не задавал. Тошнило их от незнания того, зачем мы здесь и кто мы есть, или нет, в любом случае они сознательно и вполне благополучно этот вопрос игнорировали. А может, были просто глупы. Ах, этот сладкий дар глупости! Я так завидовала им.

Но вообще-то я знала, что все сводится к ее шортам. Все ответы заключались в линии задницы, она затмевала все и была общим знаменателем всех страхов, всего ничто, всего непознанного. Во всем этом она была сама по себе. Она просто существовала, как будто жить — это вот так легко. Ей даже делать ничего было не надо, но она просто заправляла всем этим шоу. Все диалоги начинались и заканчивались на линии задницы. Направление их вечера, их разговор и даже в некотором смыс-

ле вселенная — все заканчивалось там. Вселенная. Я ненавидела их.

Ненавидела их легкость во всем. Ненавидела их дефицит одиночества. Ненавидела их понимание времени как чего-то лениво растянувшегося вдаль, чего-то, с чем можно играть, как будто для них никогда не наступит поздно — ни сегодня, ни в жизни вообще. Я даже не знала, кем возмущалась больше: мужчиной или женщиной.

2

Я всегда чувствовала, что быть мужчиной — хорошо. Не только потому, что мне хотелось иметь свой собственный член — разгуливать, чувствуя между ногами эту ношу, эту силу, — но и потому, что бремя времени, которое взвалило на меня тело, тяготило. За это, за то, что его время никак не обременяло, я и возненавидела немца на Эббот-Кинни. Женщину я возненавидела тоже — за то, что такая молодая, за то, что еще долго останется привлекательной и, может быть, даже заведет ребенка.

Я никогда не хотела ребенка. Никогда не испытывала того желания, которое, по словам многих женщин, внезапно накрывает их. Уж тридцать восемь минуло, и я все ждала, ждала, когда же, когда, но оно так и не нагрнуло. Так что я всегда относилась к этому без особого трепета, как к чему-то немножко противному, вроде кусочка лука, без которого предпочла бы обойтись.

Но мне хотелось бы сохранить опцию «иметь ребенка» на случай, если такое желание все-таки возникнет. Приятно, когда перед тобой будущее. Го-

ворят, молодые проматывают молодость впустую, и я согласна, что это и мой случай, но в одном я оценила ее по-настоящему. Я ощущала свое преимущество. Мое не вполне серьезное отношение к вопросу о детях объяснялось отчасти тем, что я всегда чувствовала, как мне повезло: придет день, и я смогу сама решить, чего хочу. Приятно сознавать, что этот день где-то там, далеко, что в моем распоряжении куча времени. Это воспринималось как роскошь.

Втайне я всегда осуждала женщин, сожалеющих о том, что у них нет детей и они уже не в том возрасте, чтобы ими обзавестись. Осуждала я их, наверное, потому, что боялась стать такой же. Но вот мне уже тридцать восемь, и время пошло на убыль. Я по-прежнему не хотела ребенка. Не представляла, что бы стала делать с ним, если бы он у меня появился. Но то открытое окно возможностей закрылось. И если бы девица в шортах заметила меня сейчас, то отнеслась бы критически, как и я сама относилась к сверстницам.

Еще ей могло бы не понравиться, что я не замужем. Когда мы только познакомились с Джейми, я сказала, что брак, как архаическая декларация права собственности, не для меня. Он сказал «хорошо», потому что его это тоже не устраивает. На четвертом году наших с ним отношений я отчаянно хотела, чтобы Джейми попросил меня выйти за него замуж, пусть даже потому только, что он этого не делал. Тяги к драгоценностям я никогда не испытывала, но что-то во мне желало этого колечка. Прилюдно я разносила в пух и прах кровавые брильянты, сама же потихоньку рассматривала